

Рисунок на обложке — выражение (моего) опыта трансгендерности. Я пыталась выразить аллегория того, что на этом рисунке тело — не мое, оно редактируется какими-то наружными металлическими аппаратами или вставкой чипа в мозг. Мое тело — послушно, оно бездушно висит на металлических проволоках. Этот рисунок — отражение психологического редактирования личности, исходящего из медицинского дискурса, где мое тело — просто объект исследования. Тот же дискомфорт от медиализации трансгендерности я выразила в другом рисунке, где я просто сижу на кровати в позе куклы с раскрытыми руками, ногами, в полном смирении с тем фактом, что тело — не мое, оно принадлежит им.

Меня отрывали от моего тела разными способами: мисгендерингом, анкетами, историями, психушкой, беседами, вопросами и пр.

К примеру, в психушке при обращении ко мне в основном использовали женские окончания и местоимения, но когда им нужно было что-то особенное, что-то подправить или просто высмеять, врачи использовали мужское имя, окончания, местоимения, ожидая мою реакцию. Так же поступают психологи, которых нужно регулярно посещать вне психушки.

Или, например, меня заставляли создавать гетеронормативные истории про воображаемого зверька, которого мне надо было нарисовать вопросами: «А как ваша “теродиумийя” размножается?», «А какого пола партнер?» и т.д.

Или анкетой с прилагательными и активностями, описывающими меня. Конечно, мне надо было выбирать «чувствительный», «домашний», «нелюбящий охоту», «любящий шить» и прочий сексистский бред.

Или просто фактом ссылки в психушку на две недели без особого доступа к внешнему миру, кроме часа посещений в определенное время на территории больницы.

Или разговорами о мастурбации, сексуальной жизни с восьми лет до сегодняшнего момента, где на мои попытки создать дружелюбную атмосферу взаимными вопросами к психологу, чтобы было комфортнее говорить о многих интимных моментах, мне указывали, что мы не в кафе, и психолог — не моя подруга, поэтому вопросы тут задает она, а не я, и я пришла туда по своему желанию, и там нет места для приватности.

Или когда меня повторно спрашивают, например, в какой туалет я ходила в 5 лет, я говорю: «Не помню». «Не помнишь? Вспоминай. Вспомнила? Вспомнил? О, бесишься? Хорошо, что бесишься. Давай еще тебя побесим». Раз ты молчишь, значит — не уверен/а в себе (и своей идентичности), а если отвечаешь неправильно, то тебе дадут еще одну попытку исправиться и ответить правильно.

В общем, опыт прохождения через агентов медицинского поля заставил усомниться в том, а не был ли город Минск во время режима репрессий одним из главных центров, куда ссылали неверно мыслящих людей для промывки мозга? Ведь традиция, в рамках которой со мной беседуют психологи, очень похожа именно на ту, времен сталинских репрессий.

Всех агентов и все процедуры я так и не прошла. Я не могу, это очень сложно и унижительно.

Женя Х.